

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 82 (091)

DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-1-88-97

МОДЕЛИ АВТОРИТАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ. ФЕНОМЕН БЕССУБЪЕКТНОСТИ

MODEL TO THE AUTHORITARIAN RELATIONS IN OLD RUSSIAN PUBLICISM. PHENOMENON OF INSENSITIVITY

В.Ю. Меринов
V.Y. Merinov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda Str., Belgorod, Russia, 308015

E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены отдельные элементы авторитарной традиции в русской публицистике в эпоху её становления. Среди важных её черт выделены такие: 1) сакрализация власти и обесценивание других участников социально-политических процессов, подчеркивание дистанции между верховной властью и элитой; 2) определение служебной (сплоченной вокруг верховной власти, несамостоятельной, всецело зависимой от центра) роли элиты в социально-политической жизни (идентификация элиты с центром); 3) демонстрация и авторское одобрение лоялистских (жертвенных) образцов поведения и риторики аристократов в отношении верховного центра как единственно приемлемых. Утверждение ценностей субординации, дисциплины, верности центру, как первичных. Известный русский писатель XVI столетия А.М. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» показывает картину полной авторитарной дезориентации русской элиты и её капитуляции перед верховной властью. Судя по адресату посланий, отсутствию альтернативных моделей поведения (к примеру, таких, как сотрудничество представителей элиты в борьбе с тиранией), характеристике героев, отказавшихся от защиты чести и жизни (которая остается в рамках жертвенного христианского дискурса), перекладыванию всей вины за репрессии на царя-деспота и его подручных, в статье делается вывод о наличии в мироощущении автора черт, характерных для авторитарного мировидения.

Abstract

The article deals with some elements of the authoritarian tradition in Russian publicism in the era of its formation. Among its important features are highlighted such as: 1) the sacralization of power and devaluation of other participants in socio-political processes, emphasizing the distance between the Supreme power and the elite; 2) the definition of the official (United around the Supreme power, independent, entirely dependent on the center) role of the elite in socio-political life (identification of the elite with the center); 3) demonstration and author's approval of loyalist (sacrificial) patterns of behavior and rhetoric of aristocrats in relation to the Supreme center as the only acceptable. Affirmation of the values of subordination, discipline, loyalty to the center as primary. The well-known Russian writer of the XVI century Kurbsky in his History of the Grand Duke of Moscow "shows a picture of the complete

disorientation of the Russian elite and its surrender to the Supreme power. Judging by the addressee, the lack of alternative models of behavior (for example, such as the cooperation of the elite in the fight against tyranny), the characterization of the heroes that refused to protect the honor and life (which remains within the framework of Christian sacrificial discourse), shifting all of the blame for repression on the king-despot and his henchmen, in the article the conclusion about the presence in the attitude of the author characteristics of the authoritarian worldview.

Ключевые слова: древнерусская публицистика, авторитарная традиция в публицистике, авторитаризм, элиты, лоялистские модели риторики и поведения, феномен бессубъектности.

Keywords: Old Russian publicism, authoritarian tradition in publicism, authoritarianism, elites, loyalist models of rhetoric and behavior, the phenomenon of non-subjectivity.

Введение, объект и методы исследования

Основные черты авторитарного типа общественного сознания

Средневековье – время формирования важнейшей традиции в древнерусской публицистике – авторитарной. Становление её происходило в тесной связи с историко-культурными и социально-политическими процессами, среди которых выделяются такие как принятие христианства из «ориентализовавшейся Византии» [Васильев, 2009], утверждавшего, главным образом, в своей «ветхозаветной» части восточно-деспотические принципы государственного устройства; монгольское завоевание, надолго включившее Восточную Русь в сферу своего влияния, упрочило представления о практически неограниченной («царской») власти, а также соединение принципов управления и владения («структура власти-собственности» [Васильев, 2000, 2009; Милов, 1998]), и т.д. Эти и другие факторы способствовали становлению авторитарно-деспотического («восточно-деспотического» [Виттфогель, 1957]; «вотчинного» [Пайпс, 1993]; «идеологически санкционированной деспотии» [Яковенко, 2009]) типа государственности, венцом которой стало правление Ивана IV и учреждение «опричной политической системы», приведшей к «...полному подчинению родовой знати царскому правительству» [Альшиц, 1988, с. 148]. Внутри государства формировалась доминирующая авторитарная политическая культура (получившая в социально-психологическом и философском исследованиях наименование «подданнической» [Алмонд, 2014]), авторитарный («системоцентричный» [Оболонский, 1994; 2002; 2016], тип общественного сознания¹.

Конечно, тип политического режима, как и типы политической культуры и общественного сознания, представляют собой идеальные конструкции. В реальной исторической практике дело обстоит значительно сложнее. Так, фундаментальные типы политической культуры (условно: авторитарный и демократический) и общественного сознания находятся в сложном переплетении и одновременно встречаются в любых обществах и политических режимах [Алмонд, Верба, 2014]. Так же и авторитарная традиция в публицистике, даже в творчестве одного автора (к примеру, И. Волоцкого, А. Курбского и др.), может сочетаться со своей противоположностью традицией демократической («гражданской» (Алмонд)). Тем не менее, в качестве методологического инструмента изучения, использующего политологическое, историческое и социально-психологическое знания, дают прочное научное основание (теоретическую базу) и позволяют выявить существенные черты явлений, свойственных отечественной публицистике.

В основе авторитарного мироощущения лежат специфические принципы (радикальные ценности):

¹ Феномену человека, воспроизводимому в условиях жесткого авторитаризма, посвящены работы культурологов и социальных психологов, создавших концепты «авторитарной личности» [Адорно и др., 2001], «авторитарного характера» [Фромм, 1993], средневекового человека [Гуревич, 1984; 1990], «советского простого человека» [Левада, 2006; 2011; Советский простой человек, 1993; Гудков, 2009; 2001].

а) Неравенство и партикуляризм. Представление о качественном неравенстве человеческой природы (природы), вера в то, что определенные (субъекты, личности) группы или категории людей обладают особыми качествами (функциями, статусом, полномочиями, доступом к закрытым источникам, тайному знанию, невиданным познанием или опытом);

б) Гиперцентризм и ведущая роль авторитарной организации.

в) Конформизм. «... Установка на дисциплинированность и послушание («мазохистская зависимость» [Фромм, 1992]. – *В.М.*), высокая социальная приспособляемость, лояльность власти, отчуждение от власти (политической сферы), готовность подчиняться, подавление собственного «Я», вплоть до самопожертвования, ради установленных (навязанных) авторитетным Другим целей ...» [Меринов, 2018].

Наша цель – выявить (представить) некоторые черты авторитарной традиции в древнерусской публицистике, рассмотреть то, как авторитарное сознание проявляет себя в текстах, в частности, через модели социальных отношений верховной власти и аристократии (элиты).

Результаты и их обсуждение

Сакрализация верховной власти, зависимость элиты от верховной власти

Говоря о памятниках литературы XVI столетия, Д.С. Лихачев справедливо утверждал, что ведущим стилем этой эпохи стал «идеализирующий биографизм» с его повышенным интересом «к биографиям крупных государственных деятелей: московских государей и их предков – князей владимирских, тверских и других, митрополитов, русских святых и т.д... Идеализация была одним из способов художественного обобщения в средние века» [Лихачев, 2015]. Персонаж изображался согласно идеальным нормам поведения, соответствовавшим его месту в феодальной иерархической лестнице: «Для каждой ступени выработались свои нормы поведения, свой идеал и свой трафарет изображения» [Лихачев, 2015]. Следует отметить, что причиной расцвета «идеализирующего биографизма» исследователь считал процессы централизации и расширения территории государства, полагая при этом, что русское средневековье имеет черты феодального социально-политического устройства. Между тем, феодализм с его договорными и правовыми отношениями (правами собственности), независимой аристократией, торговыми городами и другими автономными структурами был характерен для Западной и, отчасти, Восточной Европы и совсем не характерен для средневековой Московии, в которой установилось самодержавие. Поэтому процесс идеализации зависел не от положения героя в феодальной иерархии (таких иерархий могло быть множество, в каждой автономной области – своя, что, в конце концов, приводило к деидеализации), а от места в единой авторитарной иерархии.

Специфическое восприятие мира русскими авторами проявляется, прежде всего, в самой заметной черте древнерусской публицистики – сакрализации авторитарной верховной власти. Ряд произведений периода прямо заявляют о полубожественном происхождении царского рода, сакральности титула царя, осуществляющего мистическую связь одновременно с Богом и православным народом («Сказание о князьях Владимирских», «Степенная книга» и т.д.). Важным признаком авторитарной сакрализации есть представление о так называемой сильной власти, основой которой есть волевой, решительный и воинственный лидер (военный вождь), единственный заступник от внутренних раздоров и внешних угроз. Именно такого вождя описывают русские авторы как идеального правителя (например, Нестор-Искандер, «Взятие Константинополя»; И. Пересветов, «Сказание о Магмете-салтане», «Казанский летописец»; А. Курбский, «История о великом князе Московском»). Наиболее подходящий жанр для описания его деяний и жизни – есть житие святого (княжеское житие) с элементами воинской повести, в котором действие персонажей, отдельные приемы и в целом композиция подчиняются задаче отделить образ прави-

теля от других героев. Это распространяется не только на простых людей², но и на аристократию. Причем подчеркивание дистанции между центром и элитой, их разнокачественности, свойственно не только самим верховным правителям, называющим свих подданных, в том числе бояр, «холопами» (Иван Грозный, «Послания Андрею Курбскому»), но даже таким критикам царского волонтаризма, как А. Курбский.

Каковы же последствия процесса сакрализации в текстах? Ровно такие же, как и в действительности – обесценивание самостоятельной значимости других персонажей. Элита (герои ближнего круга) получает свою силу и полномочия (ресурсы) только как часть верховной власти, благодаря близости к ней и на условиях полного в ней растворения. Царь выступает единственным гарантом сохранения положения элиты³. Так, А. Курбский в своей «Истории о Великом князе Московском» рассказывает о том небывалом влиянии, которое получила так называемая избранная рада (Сильвестр, А. Адашев, А. Курбский). Однако это влияние было связано с использованием не собственного ресурса (могущества, силы, присущих элите), а ресурса государя, которым, по словам самого Курбского, ловко пользовались его приближенные, обманывая и запугивая монарха. Так, автор пишет, что Сильвестр «усмирял» князя «... божественным Священным Писанием, сурово заклиная его грозным именем Бога и вдобавок открывая ему чудеса и как бы знаменья от Бога, — не знаю, истинные ли, или так, чтоб запугать, он сам все это придумал, имея в виду буйство Ивана и по-детски неистовый его характер. Ведь часто и отцы приказывают слугам выдуманскими страхами отпугивать детей от чрезмерных игр с дурными сверстниками. <...> Так поступают и врачи...» [здесь и далее Курбский, 1913].

Второй момент, который хотелось бы выделить, – «избранная рада» была «избрана» самим монархом. Узкий круг «избранных», то есть влияющих на принятие решений, весьма показателен для авторитарного правления. Сам этот факт принимается автором безоговорочно. Вопрос о «добрых» и «злых советниках» возникает только тогда, когда «кружок» Курбского или еще находится не при царе, или попадает в опалу. Однако автор не отвергает иерархические принципы отношений царь – советники, феномены фаворитизма и дворцовой клановости, а сетует лишь на отсутствие постоянства в поведении царя и на его ошибки в выборе фаворитов. Манипуляции, интриги вполне допустимы, если они соответствуют интересам одной узкой группы, цели которой подаются автором как общенациональные.

Таким образом, цели верховной власти и элиты воспринимаются автором как единые, а аристократия представляет только Центр, а не себя и собственные территории. Если цели едины, а качества лидера и элиты несопоставимы по ценности, – выстраивается простая архаическая вертикаль власти как естественное состояние политической системы. Следовательно, элиты (не только аристократическая, но и церковная), предстают в сочинениях не как автономные значимые элементы общественной системы, а в своей служебной роли, роли инструмента в руках вождя и ближнего круга. Аристократия становится «кадровым резервом» всемогущего Центра и теряет собственное значение (за ней закреплялась лишь функция проводников интересов высшей власти). Ответом на вызов авторитарной централизации стала адаптивная консолидация вокруг верховной власти, идея службы (послушности, покорности) начальству (государству), человека-«служебника». Военный (служебник) – не только профессия, но и стиль отношений власть – человек. Его удел – высокая степень готовности на случай ведения войны и пассивное восприятие трудностей, лишений и страданий. Таким образом, возможный конфликт выносится вовне и потенциально носит эпический характер (противостояния «Мы и Они», «Добро и Зло»).

² См. сцену въезда усмирителя мятежной Казани царя Ивана в Москву в «Казанском летописце», в которой очевидны аллюзии на въезд Иисуса в Иерусалим. Фоном, на котором оттеняется богоизбранность царя, становится картина бытовой суеты встречающих мессию москвичей.

³ В современной теории элит считается, что данное состояние говорит о её «восточной» специфике (варианте), либо дает основание отказать этой группе в определении «элита» [Гудков, 2007; Будюкин, 2003]

Извне атакуют святую православную Русь еретики (из Киева и Новгорода, инородцы, жидовствующие, см.: Волоцкий, «Просветитель...»)⁴, казанские татары и другие враги православного царства.

Весьма показательным является осуждение Курбским после его бегства из Московского царства стиля жизни представителей восточно-европейской элиты (королей и знати), их «праздного» образа жизни. Возможно, раздражение русского князя вызывает сама возможность автономного феодального существования («спрятались в замках»), вне мобилизующей и направляющей силы Центра. Сам ландшафт (феодальные замки, немислимые в деспотическом государстве) говорит о нарастающих антиавторитарных тенденциях в этих землях.

Лоялистские риторические и поведенческие модели

Используя «Историю о великом князе Московском» А. Курбского, мы рассмотрим некоторые поведенческие и риторические модели, которые свойственны авторитарному пониманию мира. В центре внимания автора находятся представители русской элиты XVI столетия, пострадавшие от бесчинств опричников и самого царя Ивана. В этих историях нас интересует не размах репрессий и их жестокость, безусловно осуждаемые князем-эмигрантом, а его отношение к поведению жертв царского произвола. Мы выделили несколько таких типов (стратегий) поведения (ситуаций):

1) Вариант отказа от светской жизни, аристократического влияния, имущества и фактическое бегство героя в монастырь (советник Иван Шереметев) в надежде избежать повода для обвинения и расправы. В характере героев наряду с такими чертами, как храбрость, отвага, как правило, с одобрением подчеркивается их христианское миролюбие («святой монашеский образ», «тихий человек», «человек поистине праведный, весьма рассудительный», «разумный и искусный в Священном Писании», «ангельского нрава», «подобные ангелам жизнью и умом», «тонкий знаток Священного Писания»). В персонажах этого круга невозможно даже заподозрить желание отстаивать (иметь) собственную позицию или конфликтовать с верховной властью. В этих и других случаях сквозь реальную фигуру героя просвечивает его жертвенный библейский архетип невинного агнца (Исаака) – с его идеей безобидности, покорности перед устрашающей силой и могучей волей Всевышнего. Показательно то, что бегство в монастырь не спасает беглецов от казни.

2) Инвариантом монастырских историй является насильственное пострижение представителей аристократии в монахи (история Д. Курлятева).

3) Другая ситуация, в которой весьма характерным является сам выбор места гибели, демонстрирующая отказ от какой-либо борьбы за свою жизнь и капитуляцию перед верховной волей. Герой «как невинный агнец Божий» погибает («зарезан») стоящим «близ алтаря», когда идет «в церковь на утреннюю молитву» (сенатор князь Юрий Кашин), «зарезан был на самом пороге церкви и залили весь церковный пол святою кровью» (Михаил Репнин).

4) Многочисленные истории гибели целых аристократических семейств (Воротынских, Одоевских, Тетериных, Колычевых и др.), разорение вотчин.

⁴ И. Волоцкий в своем «Просветителе...», сочетая жанры прошения и доноса, буквально, требует от самодержца решительно противодействовать (убивать, пытать, изгонять) еретикам. Здесь не делается разницы между простыми людьми, церковниками и аристократами. При этом Волоцкий постоянно ссылается на дух и букву Ветхого завета, где закреплены наиболее репрессивные социальные практики наказания за «отступничество», а само представление о власти имеет четко выраженный авторитарный характер, где Бог предстает в своем деспотическом варианте. Обращение именно к Ветхому завету как источнику не столько цитат, сколько авторитарного понимания мира свойственно средневековым авторам (См. «Палея Толковая»). Бог сам непосредственно и через своих представителей – праведников – вершит суд. Вожди израильского народа сливаются с божественной властью, поэтому вправе распоряжаться судьбами соплеменников (обладают божественным правом лишить человека жизни). Властная вертикаль закреплена в художественном пространстве. Бог – это верх, оттуда вниз посылаются громы и молнии.

В данных эпизодах хотелось бы выделить несколько моментов. Первый: высокий статус и полагающиеся к нему представления об аристократической чести, страдания семей, смерть детей и всего рода не подвигают героев сопротивляться верховной власти. Аристократы, вместе с детьми и женами, готовы безропотно покориться царской воле и до последней минуты ждать отмены приговора, очевидно, надеясь на милость царя или божье вмешательство.

Второй момент, на который бы хотелось обратить внимание, это точка зрения автора. Бесчинства обезумевшего монарха подвергаются им суровому осуждению. Поведение элиты, напротив, считается абсолютно оправданным. Кротость и «радость», с которой аристократы принимают смерть собственную и своих любимых, расценивается как проявление достоинства и мужества, христианских добродетелей. Герои не пытаются сражаться, напротив, проявляют чудеса смирения и безволия перед лицом деспотической власти (истории Александра Суздальского и Никиты Казаринова). Именно это в авторитарном сознании является едва ли не примером высоко нравственного поведения.

Третий момент: автор, как и его герои, не считает ситуацию погрома элиты поводом для групповой самоорганизации, проявления межчеловеческой солидарности, объединения в противодействие насилию. Все персонажи, так и не поднявшие меч ради защиты себя и себе подобных, заслуживают авторской похвалы как «правоверные христиане», «агнцы», «новоубиенные» и т.п. Восхваляется их терпение и стойкость под пытками («О страдании священномученика Филиппа, митрополита московского... И обнаженного волокут его из церкви и сажают на быка задом наперед – окаянные и скверные! – и свирепо без пощады бьют его тело, утомленное многолетними постами, и возят по площадям крепости и города. А он, храбрый борец, терпит все это так, как если бы не было у него тела, среди этих мучений...»).

5) Риторические формы поведения жертв перед тираном, отраженные и одобренные автором, также свидетельствуют о последовательном неприятии Курбским идеи отстаивания групповых (человеческих) интересов. Герои, как правило, не выступают с обличительным словом, им не свойственны речевые формы сопротивления. Напротив, они сохраняют статусный речевой этикет, подчеркивающий социальную субординацию. В речи героев не допускаются эмоциональные всплески, проявления дерзкого поведения и бестактности в отношении тирана. Как правило, слова обращены к Богу (так митрополит Филипп «благодарит Бога в хвалах и песнях, священномученической десницей своей благословляет бесчисленные толпы горько плачущих и рыдающих»), к родственнику (суздальский князь Александр). В весьма редких случаях адресатом является сам верховный мучитель, но и в этом случае инициатива диалога принадлежит царю, а герой до конца клянется в верности деспоту: «Не привык я, царь, и не научился от предков своих колдовать и верить в бесовство, лишь хвалить Бога единого, в Троице славимого, и тебе, царю и государю моему, служить верой...» (Михаил Воротынский).

Справедливости ради отметим, что в повести описаны случаи, когда представители элиты все-таки решаются выразить свое несогласие с царем. Однако, во-первых, они крайне редки, а во-вторых, повод для протестного высказывания (далее этого дело не идет) поражает локальностью своих целей. Речь идет о несогласии участвовать в царских скоморошьих пирах, надевать маску (Михаил Репнин). В другом эпизоде герой, «храбрый человек» Молчан Митнев, все-таки заявляет о том, что «проклятый мед», подаваемый на царских пирах, замешан «на крови братьев наших, правоверных христиан!». Однако и в этом случае весьма характерным является то, что для обличительного высказывания герою понадобился личный повод, оскорбительное принуждение пить «из тех помянутых больших чаш, посвященных Дьяволу». К тому же поведение героя, как и в других вариантах, носит заведомо жертвенный характер. Это не деятельное сопротивление, представитель элиты не защищается и позволяет проткнуть себя «копьем, которое было у него (царя

– М.В.) в проклятом его посохе»⁵. Противостоять тирану может (достойна) только равная ему фигура – сам Бог: «Господь, смиряя его свирепость, послал на великий город Москву громадный пожар, так что с очевидностью проявил свой гнев. <...> А еще раньше, в годы его юности, с помощью многочисленных нашествий варваров».

Заключение

Подведем краткий итог. Русские интеллектуалы, даже те из них, которые, по общепринятому мнению, считаются тираноборцами (А. Курбский), приняли активное участие в формировании авторитарной публицистической традиции. Авторитарные установки проявлялись в форме теоретических построений, концептуальных теорий и проектов, сакрализующих власть в её авторитарном виде. Важными чертами этой традиции стало, к примеру, подчеркивание дистанции между верховной властью и аристократией, получающей свои полномочия только от верховного правителя, не имеющей собственных интересов, и раздробленной, а также демонстрация и авторское одобрение лоялистских моделей поведения представителей элиты: от стратегий бегства в монастырь до безропотного принятия репрессий, направленных, в том числе, и против ближайших родственников.

В рамках авторитарного сознания представления о бесстрашии и храбрости (качества, проявляющиеся в ситуации сражения и связанные с риском для жизни) вобрали в себя дополнительные смыслы. С одной стороны, под ними подразумевается стойкость и терпение, а также готовность принять смерть и страдания от центра силы, держа под контролем свои эмоции, не выходя за рамки статусных ролей и речевого этикета. С другой – неготовность отстаивать свою, родовую и сословную честь, сражаться за своё имущество и жизнь, определяя эти поведенческие стратегии рамками жертвенного христианского дискурса (терпение, смирение, кротость и т.д.). В каждом из вариантов инициатива отдается верховному центру, рассматриваемому в качестве единственного полномочного субъекта социального действия. Так, известный автор XVI столетия А.М. Курбский рисует картину полной дезорганизации и авторитарной дезориентации русской элиты. Однако и сами послания к тирану, апелляции к его чувствам гуманности и долга перед подданными также, на наш взгляд, представляют собой свидетельство этой деморализации.

Последней, решающей инстанцией, источником как «гроз», так и милостей, для автора «Истории о великом князе Московском» остается все-таки царь. Он не обращается к представителям аристократии, не взывает к корпоративной (человеческой) солидарности. В центре внимания А. Курбского находится фигура монарха, позволяющая переложить всю ответственность за страшные события на него и «злых советников», и снять таким образом её с себя и других «новомучеников». Это, по нашему мнению, демонстрирует неспособность автора мыслить и находить ответы вне самодержавной системы правления и авторитарной политической мыслительной парадигмы.

И последнее замечание. В произведениях XVI столетия, несмотря на обилие действующих лиц, их внешне активную роль, к примеру, в военных кампаниях, представители элиты выступают не как самостоятельные агенты (инициаторы) социального действия (мысли), а как исполнители чужой воли, воли верховной власти и рефлексии на неё. Всё это создает особое бессубъектное социальное пространство (феномен бессубъектности), пронизанное волей одного единственного субъекта, единственной личности.

⁵ Единственным исключением выглядит поведение митрополита Филиппа. Однако следует учитывать то, что митрополит был представителем аристократического семейства Колычевых, «которых в роду несколько десятков было: были среди них мужи храбрые и выдающиеся, иные из них удостоены были сенаторского звания, а иные были стратегами. И вырублены они всем родом». А формы сопротивления, в целом, укладываются в схему жертвенного поведения.

Список литературы References

1. Адорно Т., Невитт Сэнфорд Р., Френкель-Брюнсвик Э., Левинсон Д. 2001. Исследование авторитарной личности. М., Академия исследований культуры: 245.
Adorno T., Nevitt Sanford, R., Frenkel-Brunswick E., Levinson D. 2001. Issledovanie avtoritarnoj lichnosti [The study of authoritarian personality]. M., Academy of cultural studies: 245. (In Russian)
2. Алмонд Г., Верба С. 2014. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., Мысль: 500.
Almond G., Verba S. 2014. Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranah [Civil culture: political attitudes and democracy in five countries]. M., Thought: 500. (In Russian).
3. Альшиц Д.Н. 1988. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л.: Наука: 244.
Alshits D. N. 1988. Nachalo samoderzhaviya v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo. [The beginning of autocracy in Russia. The State Of Ivan The Terrible]. L.: Nauka: 244. (In Russian).
4. Будюкин Д.А. 2003. Роль аристократии в становлении традиции свободы. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Воронеж. URL: <http://cheloveknauka.com/rol-aristokratii-v-stanovlenii-traditsii-svobody> (дата обращения: 25 ноября 2018)
Budykin D.A. 2003. Rol' aristokratii v stanovlenii traditsii svobody [The role of the aristocracy in the formation of the tradition of freedom]. Abstract. Diss. on competition of a scientific degree. Uch. St. kand. philos. sciences'. Voronezh. URL: <http://cheloveknauka.com/rol-aristokratii-v-stanovlenii-traditsii-svobody> (accessed 25 November 2018). (In Russian)
5. Васильев Л.С. 2009. В древней Руси, не знавшей античности, западное начало не могло играть сколько-нибудь существенной роли. Выступление при обсуждении доклада А. Янова (трилогия «Россия и Европа. 1462–1921»). URL: <http://www.liberal.ru/articles/4534> (дата обращения: 23 ноября 2018).
Vasiliev L.S. 2009. V drevnej Rusi, ne znavshej antichnosti, zapadnoe nachalo ne moglo igrat' skol'ko-nibud' sushchestvennoj roli [In ancient Russia, who did not know antiquity, the Western principle could not play any significant role.] Speech during the discussion of the report by Yanov (trilogy " Russia and Europe. 1462–1921"). URL: <http://www.liberal.ru/articles/4534> (accessed 23 November 2018). (In Russian)
6. Васильев Л.С. 2000. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики). Альтернативные пути к цивилизации. М.: 96–114
Vasiliev L. S. 2000. Vostok i Zapad v istorii (osnovnye parametry problematiki). Al'ternativnye puti k civilizacii [East and West in history (the main parameters of the problem). Alternative routes to civilization]. M.: 96–114. (In Russian).
7. Васильев Л.С. 1994. История Востока. М.: Высшая школа, Т.1: – 495 с.; Т. 2: 495.
Vasiliev L. S. 1994. Istoriya Vostoka [History of The East]. M.: Vysshaya shkola, Vol.1: 495 p.; Vol. 2: 495. (In Russian).
8. Виттфогель К.А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти. Режим доступа: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml
Wittfogel K. A. Despotizm Vostoka. Sravnitel'noe issledovanie total'noj vlasti [Despotism of The East. A comparative study of total power]. Mode of access: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml. (In Russian).
9. Гудков Л.Д. 2007. Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. – М., Фонд «Либеральная миссия»: 372.
Gudkov L. D. 2007. Problema «ehlity» v segodnyashnej Rossii: Razmyshleniya nad rezul'tatami sociologicheskogo issledovaniya [The problem of "elite" in today's Russia: Reflections on the results of sociological research]. M., Fund "Liberal mission": 372. (In Russian)
10. Гудков Л.Д. 2009. Условия воспроизводства «советского человека». Вестник общественного мнения, 2 (100): 8–37.
Gudkov, L. D. 2009. Usloviya vosproizvodstva «sovetskogo cheloveka» [Conditions of reproduction of the "Soviet man"]. Journal of public opinion, 2 (100): 8–37. (In Russian)
11. Гудков Л.Д. 2001. "Тоталитаризм" как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 5: 20–29.

Gudkov L. D. 2001. "Totalitarizm" kak teoreticheskaya ramka: popytki revizii spornogo ponyatiya ["Totalitarianism" as a theoretical framework: attempts to revise the controversial concept]. Public opinion monitoring: economic and social changes, 5: 20–29. (In Russian).

12. Курбский А.М. История о великом князе Московском. Электр. публ. Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=9862#> (дата обращения: 27 ноября 2018).

Kurbsky A.M. Istoriya o velikom knyaze Moskovskom [The story of the Grand Duke of Moscow]. Electra. publ. Institute of Russian literature (Pushkin House) RAS. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=9862#> (accessed 27 November 2018). (In Russian)

13. Левада Ю.А. 2011. Сочинения: проблема человека. М., Издатель Карпов Е.В.: 526.

Levada Y. A. 2011. Sochineniya: problema cheloveka [Essays: the problem of human]. М., Publisher Karpov EV: 526. (In Russian)

14. Левада Ю.А. 2006. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М., Новое издательство.

Levada Y. A. 2006. Ishchem cheloveka. Sotsiologicheskie ocherki [Looking for man. Sociological essays 2000–2005]. М., New publishing house. (In Russian).

15. Лихачев Д.С. 2015. Человек в литературе Древней Руси. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус: 320.

Likhachev D.S. 2015. Chelovek v literature Drevnej Rusi [Man in the literature of Ancient Russia]. Saint Petersburg.: Azbuka, Azbuka-Atticus: 320. (In Russian)

16. Меринов В.Ю. 2018. Патриотическая идея в древнерусских художественно-публицистических произведениях XV–XVI столетий. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки, 1: 77–84.

Merinov, 2018. Patrioticheskaya ideya v drevnerusskikh hudozhestvenno-publicisticheskikh proizvedeniyah XV–XVI stoletij [Patriotic idea in the old Russian artistic and journalistic works of the XV–XVI centuries] // scientific Bulletin of the Belgorod state University. Ser. Humanities. Philology, 1: 77–84. (In Russian).

17. Милов Л.В. 1998. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., РОССПЭН: 573.

Milov, L. V. 1998. Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [Great Russian ploughman and peculiarities of Russian historical process]. - М., ROSSPEN: 573. (In Russian).

18. Оболонский А.В. 1994. Драма российской политической истории: система против личности. М., Институт государства и права: 352.

Obolonsky A.V. 1994. Drama rossijskoj politicheskoy istorii: sistema protiv lichnosti [The drama of Russian political history: the system against the individual]. М., Institut gosudarstva i prava: 352 (In Russian).

19. Оболонский А.В. 2002. Человек и власть. Перекрестки российской истории. М., Академкнига: 415.

Obolonsky A.V. 2002. Chelovek i vlast' [Man and power]. Crossroads of Russian history. М., Akademkniga: 415. (In Russian).

20. Оболонский А.В. 2016. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М., Мысль: 448.

Obolonsky, 2016. Ehtika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni [Ethics of the public sphere and the realities of political life]. М., Mysl': 448. (In Russian).

21. Пайпс Р. 1993. Россия при старом режиме. М., Независимая газета: 423.

Pipes R. 1993. Rossiya pri starom rezhime [Russia under the old regime]. М., Nezavisimaya Gazeta: 423. (In Russian).

22. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. 1993. Под общ. ред. Ю.А. Левады. М., Мировой Океан: 304.

Sovetskij prostoj chelovek. Opyt social'nogo portreta na rubezhe 90-h. [Soviet simple man. Experience social portrait at the turn of the 90's.] 1993. Under the General editorship of Y. A. Levada. М., World Ocean: 304. (In Russian).

23. Фромм Э. 1992. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск, Коллегиум: 253.

Fromm E. 1992. Chelovek dlya sebya. Issledovanie psihologicheskikh problem ehtiki. [Man for himself. Research of psychological problems of ethics]. Minsk, Collegium: 253. (In Russian).

24. Фромм Э. 1993. Бегство от свободы. М., МНПП «ЭСИ»: 272.

Fromm E. 1993. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. М., MNPP «EHSI»: 272. (In Russian).

25. Яковенко И.Г. 2009. «Европейская традиция в России прослеживается давно, но она всегда была компонентой, а не доминантой». Выступление при обсуждении доклада А. Янова (трилогия «Россия и Европа. 1462–1921»). URL: <http://www.liberal.ru/articles/4534> (дата обращения: 21 ноября 2018).

Yakovenko I. G. 2009. «Evropejskaya tradiciya v Rossii proslezhivaetsya davno, no ona vseгда byla komponentoj, a ne dominantoj» ["The European tradition in Russia can be traced back a long time, but it has always been a component, not a dominant one." Speech during the discussion of the report by Yanov] (trilogy «Russia and Europe. 1462–1921"). URL: <http://www.liberal.ru/articles/4534> (accessed 21November 2018). (In Russian)

Ссылка для цитирования статьи **Reference to article**

Меринов В.Ю. Модели авторитарных отношений в древнерусской публицистике. Феномен бессубъектности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38, № 1. С. 88–97. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-88-97.

Merinov V.Y. Model to the authoritarian relations in old Russian publicism. phenomenon of insensitivity // Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series. 2019. V. 38, № 1. P. 88–97. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-88-97.